

Книги Андрея Белянина,
вышедшие в
«Издательстве АЛЬФА-КНИГА»

Трилогия
«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»
«МЕЧ БЕЗ ИМЕНИ»
«СВИРЕПЫЙ ЛАНДГРАФ»
«ВЕК СВЯТОГО СКИМИНОКА»

◆
Диалогия
«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»
«МОЯ ЖЕНА — ВЕДЬМА»
«СЕСТРЁНКА ИЗ ПРЕИСПОДНЕЙ»

◆
«ДЖЕК СУМАСШЕДШИЙ КОРОЛЬ»
«РЫЖИЙ И ПОЛОСАТЫЙ»
«РЫЖИЙ РЫЦАРЬ»
«ВКУС ВАМПИРА»
«ОХОТА НА ГУСАРА»
«ДЕМОН ПО ВЫЗОВУ»
«МОЦАРТ»
«СОТНИК И БАСУРМАНСКИЙ ЦАРЬ»
«ЗАМОК БЕЛОГО ВОЛКА»

◆
Диалогия
«КАЗАК НА ТОМ СВЕТЕ»
«КАЗАК В РАЮ»
«КАЗАК В АДУ»

◆
Трилогия
«ААРГХ»
«ААРГХ»
«ААРГХ В ЭЛЬФЯТНИКЕ»
«ААРГХ НА ТРОНЕ»

◆
С Христо Поштаковым (перевод и редакция)
«МЕЧ, МАГИЯ И ЧЕЛЮСТИ»
«ГАСИ АМЕРИКУ!»

◆
С Карен Махони (перевод и редакция)
«ТЕНЬ КОТА-ВАМПИРА»

Сериал
«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«ТАЙНЫЙ СЫСК ЦАРЯ ГОРОХА»
«ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ»
«ОТСТРЕЛ НЕВЕСТ»
«ДЕЛО ТРЕЗВЫХ СКОМОРОХОВ»
«ОПЕРГРУППА В ДЕРЕВНЕ»
«ЖЕНИТЬСЯ И ОБЕЗВРЕДИТЬ»

◆
Трилогия
«БАГДАДСКИЙ ВОР»
«БАГДАДСКИЙ ВОР»
«ПОСРАМИТЕЛЬ ШАЙТАНА»
«ВЕРНИТЕ ВОРА!»

◆
Цикл
«ОБОРОТНЫЙ ГОРОД»
«ОБОРОТНЫЙ ГОРОД»
«КОЛДУН НА ЗАВТРАК»
«ХВАТАЙ ИЛОВАЙСКОГО!»

◆
«ПАСТУХ МЕДВЕДЕЙ»

Стихи

◆
«ЛАНА»

◆
В соавторстве с Галиной Черной
«ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОБОРОТЕНЬ»
«КАНИКУЛЫ ОБОРОТНЕЙ»
«ХРОНИКИ ОБОРОТНЕЙ»
«ВОЗВРАЩЕНИЕ ОБОРОТНЕЙ»
«ИСТОРИИ ОБОРОТНЕЙ»
«ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОБОРОТНЕЙ»
«ЛАЙНЕР ВАМПИРОВ»
«ВСЕ АРЕСТОВАНЫ!»

◆
С Пламеном Митревым (перевод и редакция)
«ВЕСЛОМ ПО ФЬОРДУ!»

Андрей Белянин и его друзья
«КАЗАЧЬИ СКАЗКИ»
«ДНЕВНИК КОТА С ЛИМОНАДНЫМ ИМЕНЕМ»
«ЧЕГО ХОТЯТ ДЕМОНЫ»
«АНГЕЛ БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ»
«НЕ НАДО, АЗРИЭЛЛА!»

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ БЕЛЯНИН

ЗАМОК БЕЛОГО ВОЛКА

РОМАН

Москва, 2013
ЭАРМАДА
&
«Издательство А.П.ФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Б43

Серия основана в 1992 году
Выпуск 868

Художник
И. Воронин

Белянин А. О.

Б43 Замок Белого Волка: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 343 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1612-7

Мне надоело выбрасывать дохлую нечисть со своего балкона!
Я отец-одиночка, скромно торгую антиквариатом, воспитываю взрослую дочь. Её зовут Хельга, у неё голубые глаза и русые волосы. Она хорошо учится и может на спор перекусить стальную проволоку или завязать узлом гриф от штанги. Её боевой клич: «Гореть тебе в аду, дьявольское отродье!» Ещё у нас живёт её дядя, бывший северный бог, ныне сумасшедший со справкой. Он реальный псих, ходит голым, дерётся с инеистыми великанами, матерится, как белка Рататоск, — мы привыкли, соседи нет... А ещё мы все трое — граничары. Такая работа. Старый замок Кость, волшебное Средневековье, драконы, инквизиция, мятежные бароны, бурая феодальная жизнь и ледяные вершины Граней, закрывающих мир людей от катастрофических последствий рагнарёка. Страшно представить, что будет, если выжившее там зло хлынет на наши улицы...

Впрочем, представить, что будет, если мама Хельги вернётся, ещё страшней. Рискнёте шагнуть с нами за Грани?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Белянин А. О., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ISBN 978-5-9922-1612-7

— Доброе утро, па!

— Доброе утро, лапка!

Заспанная Хельга, в серой пижаме с нелепыми кошечками и стоптанных розовых тапках, сомнамбулически прошествовала мимо меня в ванную. Пользуясь моментом, я метнулся в прихожую и быстренько донёс до мусоропровода белый «магнитовский» пакет с мёртвым брюхогрызом. Такая мелкая шушера из Закордонья довольно часто обходит наши посты, но крайне редко сама пытается напасть на граничара, да ещё в его собственном доме. Я свернул башку демону, едва он влез на балкон, думая, что его никто не видит, а дядя Эдик очень вовремя, словно бы случайно, прибавил звук в телевизоре.

Двоюродному младшему брату своей мамы Хельга прощает всё, чем я и не преминул воспользоваться, благо на грохот музыки из «Пиратов Карибского моря» прекрасно ложится хруст ломаемых шейных позвонков. Избавиться от тела там же, на балконе, было невозможно — не вниз же его бросать? Попадёшь на чью-нибудь навороченную иномарку и будешь слушать вопли сигнализации до самого утра. А как потом бы вопил хозяин машины, обнаружив на помятом капоте тушку чёрного зверька без шерсти, с впечатляющей пастью на сорок шесть жёлтых зубов и ядовитой иглой в кончике хвоста...

Естественно, я быстро унёс трупик на кухню и сунул в мусорный мешок под раковиной. Добрый Эд, прискакав на одной ножке, сделал мне пальцем козу и быстро навалил поверх демона три скомканные газеты. Временами к нему возвращается разум, но ненадолго и без хоть какой-нибудь периодичности...

— Хельга, завтрак на столе!

— Иду, па... — Дочь на ходу чмокнула меня в щёку и осторожно опустилась на кованный табурет. Идею заменить добрую половину мебели в доме подсказала она сама, после того как с прошлого полугодия разломала три табуретки — одну ореховую, две дубовые. Нормальных людей уже одно это должно было насторожить. Но мы, видимо, ненормальные. И уж точно не совсем люди...

— Что в школе? — привычно интересовался я, снимая лопаточкой свою половину яичницы.

Моя дочь, заикленная на диком желании похудеть в возрасте неполных восемнадцати, рассеянно грызла яблоко. Дядя Эдик к завтраку не спешил, в любом случае свою долю пусть и холодной яичницы он всегда найдёт на плите.

— Так что в школе? Тебя опять достает тот кавказский мальчик с параллельного класса?

— Уже нет...

— Хельга!

— Ну, па?! Чего ты? Я его не трогала... Я вообще никого не трогаю, я добрая и всем улыбаюсь, а когда меня обижают, то, как умная девочка, улыбаюсь два раза и отхожу от хулиганов подальше, так? — Она мрачно отъехала на табуретке к стенке. Слава богу, не так резко, чтоб расцарапать пол и травмировать бетонную стену.

— Ты уже не маленькая, — устало начал я. — Мы не можем менять третью школу. Остался последний год. Просто подыграй своим одноклассникам, тебя многие любят...

— Многие?

— Ну ты говорила о четырёх или пяти подругах. Это немало.

— Па, у них уже есть парни, а я...

— Может, всё-таки поделиться с тобой яичницей?

— Па, да я толстая как не знаю кто! Пятьдесят пять килограмм, какая яичница?!

— Ладно, сдаюсь, — поднял я обе руки вверх. — Так что с тем мальчиком?

— Он ногу сломал.

Я взвёл глаза к небу с выражением непередаваемо-евангельской муки на лице. Если недоумок сломал ногу, означать это могло только одно...

— Он сам виноват! Типа ходит на карате, весь такой кру-

той, чёрный пояс, весь из себя Брюс Ли горбоносый... Хотел показать всем, как можно пяткой сбить мне заколку.

— И?

— Ну подошёл и ударил ногой сзади, — поступательно, словно объясняя неразумному ребёнку очевидное, добила моя дочь. — По заколке не попал, врезал мне по затылку. Я ойкнула для приличия. У Хасана перелом в трёх местах. Па, ну вот чего ты вечно до всего докапываешься? Я уже не маленькая...

У меня не было слов. Оставалось молча сесть за стол и ковырять вилкой яичницу. Ненавижу это блюдо, но готовить умею только его. Раньше у нас Эд готовил, он умеет всё, но сейчас разленился и на кухню заходит исключительно как потребитель. Если бы только наша мама была...

— Па, я тебя люблю. — Хельга обняла меня сзади за плечи, и её русые волосы сладко щекотнули мне ухо.

— Я тоже тебя люблю. Никому не говори, это тайна.

— Угу, только ты и я, — важно поклялась дочь. С её двухлетнего возраста, то есть с того момента, как пропала её мать, эти слова стали нашим ежедневным ритуалом. Неким обманом всего мира или всех миров. Граничарам лучше не любить, это делает таких, как мы, уязвимыми для врага. А нас и без того очень немного...

Через пятнадцать минут Хельга накинула лёгкую куртку с капюшоном и, цапнув сумку с учебниками, побежала в школу. Из своей берлоги выполз тощий и небритый дядя Эдик, до икоты похожий на того кучерявого артиста, что играет Клавдию Цветочек в «Новых русских бабках». Сходство добавлял ещё и тот факт, что оставшийся мне в нагрузку родственничек порой обожал переодеваться в женские платья. Он у нас реально сумасшедший, у него и справка есть, всегда носит её с собой, на всякий случай.

— Привет, Ставр!

Я не ответил. Да, собственно, Эд и не нуждался, ему всегда более важен зритель, чем собеседник.

— Девчонке скоро восемнадцать. До какой поры ты намерен скрывать от неё, кто она такая?

— Кто я такой, мне сказали лишь на распределении, в двадцать пять.

— Времена изменились. — Двоюродный брат моей жены

имел дурную привычку в разговоре подавать общеизвестные вещи как последнее божественное откровение. — Хельга вчера призналась, что подозревает...

— Что?

— Подозревает.

— Кого?

— Тебя, не меня же! Со мной всё ясно, я псих, все так говорят. Наша малышка больше не верит, что её папа скромный антиквар с очень короткими, но частыми командировками по стране. И ты спрятал молоток!

— Какой молоток? — сбился я, погружённый в невесёлые мысли. — Ты о чём... А, это!

— Ты спрятал от меня молоток, — обиженно дожёвывая холодную яичницу, наклонился он ко мне и хлопнул носом. — Три дня назад мне пришлось драться с саблезубым тираннозавром на кулаках! Где мой молоток? Ты забрал его. Верни. Мне папа подарил!

— Эд...

— Он мой!

— Там, кажется, мультфильмы по каналу «Карусель», — соврал я, но он сразу купился, сумасшедшие порой так трогательно доверчивы.

Дядя Эдик торжественно промаршировал в свою комнату, а я вытер нервный пот со лба. Какой ему молоток?! Он им в последний раз пользовался лет пять назад и уже не помнит, что, убивая одного-единственного тальцвурума-кривозуба, разнёс к чертям собачьим половину консервного завода и недостроенную девятиэтажку. Какой вышел взрыв, когда его молот попал в цистерну томатной пасты! МЧС трое суток отмывало новый Драматический театр...

А ведь за всё отвечал перед Комитетом я! С него-то как с гуся вода, он же псих. И не буду врать, что к этому можно хоть когда-нибудь привыкнуть.

— Ну что ж, осталось убрать посуду, — пробормотал я, привставая. — Выписать новые книги на Озоне, и за работу. Надеюсь, сегодня мы попробуем обойтись без приключений.

Нет, ну серьёзно, не могут же эти твари выползать из-за Граней каждое моё дежурство. В любом случае следовало обернуться до обеда. В пятнадцать тридцать меня ждёт на собрании классная руководительница моей ненаглядной доче-

ри для очередного собеседования. Опять делать серьёзное лицо, печальные глаза и слушать: «Ах, у вас такая сложная девочка, подростковый период, проблемы с коммуникабельностью, советы психолога, и понятно, ей тяжело без мамы...» Иногда честно хочется сказать: «А вы уверены, что с мамой было бы легче?!» Тут ведь надо хорошо понимать, кто у нас мама...

— К тебе белочка пришла, эсэмэску принесла! — противным мультяшным голоском предупредил мой сотовый.

Хельга как-то науставливала мне в телефон всяких приколов, фенечек и прибабасов. Лично я привык, я отец, а вот пассажиры в маршрутном такси пару раз требовали срочной остановки, когда на весь салон раздавался рёв тираннозавра — звонок учительницы.

«Пап я в школе задержусь забери меня в шесть часов Целую»... Да, вот именно так она и пишет, не соблюдая пунктуацию, а зачастую ещё и с ошибками. Причём в школе-то девочка учится на отлично, всякие конференции, олимпиады, конкурсы и соревнования... На неё просто молятся. Хельга — умничка, способная отстоять честь своего учебного заведения где угодно, хоть в учёбе, хоть в спорте! Но вот почему она ТАК пишет смс?! Не понимаю...

«Ок, лапка. Заберу!» — быстро набрал я и направился в спальню. Ковёр на стене, современный псевдогобелен, изображающий интерьер средневекового замка, полка с книгами, прикроватная тумбочка, широкая двуспальная кровать. Одна половина моя, другая холодная уже много лет.

— Эд, ты со мной?

— Нет. Да. Я ещё не решил! У меня перепады настроения.

— Тогда догоняй.

Он невнятно пробормотал что-то между «иди ты лесом» и «земля тебе пухом». Сумасшедший, я давно не обижаюсь. Да и некогда. Я выложил из кармана сотовый, снял наручные часы, освободил карманы от всякой мелочи — монет, билетов в кино, чеков из банкомата, флешки на восемь гигабайт, ключей от квартиры. Ничего лишнего, закон Граней. Хватит и того, что я вечно возвращаюсь в замок в одежде, не соответствующей исторической эпохе...

— Эд, если Хельга придёт раньше, скажи, что я на работе.

Ответа не последовало, но я знал, что он меня слышал.

Встал на кровать, зажмурился, мысленно сосчитал до десяти и спокойно шагнул лбом в стену. Гобелен на мгновение качнулся, открывая мне путь, а в следующую минуту я уже шёл широким шагом по гулким коридорам своего замка.

— Лорд Белхорст, вы вернулись!

— Да, мой мальчик. — Я на ходу принял из рук подбежавшего пажа домашний шерстяной плащ серого цвета с эмалевой пряжкой, изображающей голову белого волка. — Что нового, Метью?

— Грани беспокойны, лорд.

— Я спросил, что нового?

— Ах да, простите. — Тощий парнишка совсем смутился, ероша короткие волосы. — Замок был атакован ночью, были ранены трое часовых. Ваш конь разнёс стойло. Горгулий видели в районе Сторожевых гор, говорят, они осмелели настолько, что нападают на стада овец.

— У пастухов есть луки.

— Да, но я не... — Он сбился с шага.

— Что-то ещё?

— Леди Мелисса...

— Скажите ей — «нет»!

— Она уже в замке, мой лорд.

Дьявол побери эту озабоченную старуху! Я, рыча, ворвался в свои покои и потребовал вызвать ко мне Седрика. Старый оруженосец прошёл со мной сотню походов, он до сих пор считает меня ребёнком, ворчлив как не знаю кто, но в этом мире у меня нет более надёжного друга. Опытный воин, участник Второго и Третьего крестового похода за Гроб Господень, бритый, страшный и могучий, как медведь, и верный, как сторожевой пёс.

Я зашёл в отдельную комнату, не дожидаясь слуг, переоделся сообразно положению. Здесь, в замке Кость, я лорд Белхорст, наследник родовых земель, двух мостов, половины Чёрного леса, выхода к горному перевалу и длинного участка Граней. Мой клан — клан Белого Волка, у меня под началом двенадцать всадников и десяток лучников, я знаковая фигура в здешних краях. Звучит солидно, если не знать, что земли заброшены, замок обветшал, крестьяне едва сводят концы с концами, лес напирает с каждым годом, а твари из-за Граней хозяйничают у нас почти безнаказанно. Ну исключая те слу-

чаи, когда мы успеваем догнать их, а это бывает не так уж редко...

— Собственно, за что нас и не любят, — сам себе напомнил я, оборачиваясь. — Седрик?

— Сир?

После двух Крестовых походов он всегда приветствовал меня на восточный манер, от слова «сердар» — военачальник. И вечно отвечал вопросом на вопрос...

— Говорят, у нас проблемы на севере Граней?

— Неужели, сир?

— Ты издеваешься?

— Как я смею?! — Он привычно опустил на одно колено, не убирая ладони с рукояти меча.

— Проблемы настолько серьёзны?

— Могут ли быть серьёзны две спалённые деревни? Существующие мелочи, недостойные упоминания, нет?

— Седрик, — рыкнул я, берясь за пояс с узким кинжалом в простых ножнах. — У тебя есть совесть?!

— Это так важно, сир? — Он протянул мне длинный меч с перевязью и помог застегнуть пряжку ремня. — Прикажете седлать коней или сначала примете старую леди?

— Старую вешалку, — поправил я.

Выбор был слишком очевиден: либо ехать за Грани, рискуя своей жизнью и жизнями моих людей, рубиться с потусторонними тварями, возвращаться к ночи в крови, поту и гари, либо — сидеть у камина, распивая кларет и беседуя с пожилой стержозной дамой, не утратившей эlegantности и определённой доли изящного образования, полученного при дворе. Собственно, что тут и думать...

— Сир, а правду говорят, что леди Мелисса после первого же глотка вина раздвигает колени и лезет целоваться?

— Да! — опомнился я. — Седрик, седлай коней! Мы никому не позволим жечь наши земли.

Он улыбнулся уголком рта, что превращало изрезанное шрамами лицо в уродливую маску, наводящую ужас на врагов. Я набросил на плечи плащ из шкуры белого полярного волка. Стрелы не пробивали её, мечи соскальзывали. Мне самому довелось убить этого могучего зверя много лет назад, вогнав ему копьё прямо в глотку. Волк из свиты Фенрира, даже умирая, успел перекусить древко, добраться до меня,

свалить с коня в снег, но мои руки оказались сильнее. В этом бою я впервые познакомился с «дядей Эдиком», он тоже хотел меня убить, и если б не его сестра...

Центурион, огромный боевой конь, чёрный, как мрак преисподней, прямой потомок Буцефала, коня Александра Македонского, едва повёл левым ухом. Я прокашлялся.

— Приветствую тебя, мой друг, хозяин и господин, — с непередаваемым оттенком почтения и иронии поклонился Центурион, картинно встряхивая гривой. — Принёс что-то новенькое?

— Принесу завтра, — пообещал я. — Мне доложили, что ты здесь что-то поломал.

— Я был слегка на взводе, «Прощай, Гульсары!» — страшная вещь. Как он мог, как они все могли?! Ну саданул разок копытом в стену... Да там ремонта на полдня, больше разговоров!

Обычному жеребцу далеко не всегда позволяют разговаривать, а этот ещё и обожал читать! Воплощённая мечта всех чаяний конелюба Невзорова, не находите? Я не находил, поскольку слишком хорошо знал эту своенравную скотину. Речь не о Невзорове...

— Знаешь, мне давно хотелось поговорить с тобой о феномене Дарьи Донцовой. Я прочёл практически все её книги, десятка два, наверное...

— У неё их больше.

— Да-да, помню. Не буду врать, что это высокая литература, но чтобы объективно критиковать, надо как минимум прочесть. Не так ли?

— Так.

— Приятно, что ты разделяешь конструктивность моих филологических взглядов. — Чёрный конь чуть подвинулся, пропуская меня в денник. — Так вот, о чём это мы? Мне кажется, концептуально цикл о Таракановой ничем не отличается от цикла о Подушкине. Сюжетные составляющие изменяются лишь под влиянием гендерного фактора, не более... Что ты делаешь?

— Седлаю тебя.

— Э-э, погоди, мы вроде бы говорим о литературе?!

— Знаешь, моя дочь практически не читает книг, — на

миг задумался я. — То есть совсем ничего не читает, кроме необходимого в рамках школьной программы.

— Это грустно... — Поняв, что от похода не отвертеться, Центурион повесил голову. — Но что, если бы я мог показать ей некоторые достойные тексты, способные затронуть невинную душу пятилетнего дитяти?

— Ей почти восемнадцать.

— И она ещё не замужем?!

— Слава богу, нет, — мысленно перекрестился я. — Последнему претенденту на её внимание наложили гипс на три перелома. И парню ещё крупно повезло, что она не дала сдачи.

— Девочка пошла в маму, — задумчиво качнул гривой чёрный конь, пока я затыгивал подпруги. — А что в ней твоего, Белхорст?

— Глаза, — подумав, ответил я. — И ещё упрямство.

— Не лучшее качество...

— Я и не спорю.

— В споре дохнет истина, а побеждает сильнейший, — двойственно резюмировал мой болтливый конь, чьих губ никогда не касалось железо удила. Он прекрасно слушался меня и без боли. Ну то есть пока мы как-то умудрялись находить общий язык...

Я вывел его во двор, держась за пышную гриву. Седрик и десять воинов при полном доспехе склонили головы:

— Лорд Белхорст!

— Парни! — возвысил я голос, прекрасно помня свою роль. — Враг из-за Граней сжёг две наших деревни. Жители остались без крова, дети осиротели, пахари потеряли свою землю. Ваши мечи не заржавели в ножнах?

— Нет, наш лорд! Веди нас, Белый Волк! Смерть тварям из преисподней!

Выкрики были традиционным подтверждением вассальной верности. Я тоже играл в ту же игру и был обязан соответствовать древним обычаям, иначе кто бы за мной пошёл...

— Загоним мерзких чудовищ в их смердящие норы! Убьём всех, кто посмеет встать у нас на пути! Замку Кость быть вечной костью в горле наших врагов!

Мои воины взорвались хором одобрительных выкриков и

бряцаньем мечей по щитам. Без фанатизма, но со вкусом и расстановкой.

— Ты умеешь завести толпу, — без зависти констатировал Центурион, пока я прыгал в седло. — Надеюсь, мне не надо рвать задницу, лететь чёрт-те куда на полных парах? Не забывай, что я всё-таки конь, а не крутой байк твоего времени...

— Сболтнёшь хоть кому, что я тайком таскаю тебе «Плейбой» и «Максим», придушу в твоём же стойле, — шёпотом предупредил я.

— Поздно, дорогой друг. Узнай все, что я разговариваю, читаю и мыслю... да меня, к Юпитеру, спалит святая инквизиция!

Ну, пожалуй, в этом смысле он переборщил, многие животные разговаривают, факт общеизвестный, и церковь в большинстве случаев закрывает на это глаза. Хотя фанатичные миссионеры и проповедники всех мастей активно требуют с амвонов законодательно запретить лошадям разговаривать на том основании, что в Библии не написано, будто бы у животных есть душа. А раз нет души, то и заткнитесь! Или хуже будет. И многим уже было...

Увы, кое в чём Центурион был прав. Единственно, кого мог опасаться вольный феодал, живущий у самых Граней, так это мрачных эмиссаров святой инквизиции. Суровые, не улыбочивые монахи, приходящие к вам только с одной целью — «передача всего вашего имущества, земель, недвижимости, скота и прочего в пользу церкви!». В противном случае вас объявят еретиком и рано или поздно, но добьются вашего сожжения. До сих пор мы как-то умудрялись сохранять хлипкий компромисс...

— По коням? — уточнил Седрик, и я махнул рукой, мысленно проклиная собственную забывчивость. Центурион вырвался вперёд, никому не позволяя обогнать себя любимого. Он не нуждался в моём управлении, оптимально выбирая дорогу как на так называемой федеральной трассе, так и в густом перелесье, на оленьей тропе, куда мы свернули меньше чем через полчаса. В отличие от всех нормальных лошадей, он выбирал те дорожки, где мне не приходилось бы пригибаться под ветвями. Другим лошадям, как известно, это глубоко пофиг, наездники, не раз ловившие ветками поперёк груди, меня поймут.

— Сир? — Подскакивая на рыжем коне, Седрик попытался остановить меня вопросом. — Что, если они успели подготовиться к нашему визиту?

— Мы с тобой ударим лоб в лоб, — крикнул я, отворачиваясь от бьющей в лицо конской гривы. — Наши воины идут в обход и берут деревню в клещи, перекрывая тварям выход. Пленных не брать!

— А когда мы их брали, сир?

Хороший вопрос. Риторический. Не требующий ответа. Люблю такие. Он абсолютно прав, монстроподобные твари из Закордонья, которые лезут к нам, когда Грани зыбки и между ними появляются узкие тропы, заслуживают одного — немедленного уничтожения! У них нет разума, с ними нельзя договариваться, их можно только убивать, покуда они не убили тебя. Либо — либо. Если б и в вопросах воспитания дочери всё было так же легко. По крайней мере, столь же доступно и понятно...

Мы доскакали до первых полей примерно за час. Здесь была дальняя деревня, прочие поселения старались ютиться поближе к замку, даже если платить за это приходилось втридорога. Люди просто хотят жить, и если мне пришлось стать их господином, я и должен отвечать за их безопасность...

— Могу я попросить вас умерить пыл коня? — с трудом докричался до меня Седрик. — Вы ведь не обидитесь, если первым на пепелище шагну я?

— Нет, друг мой, только плечом к плечу. Два меча надёжнее, чем один.

— И почему я был так уверен, что вы откажетесь?

— Ты слишком хорошо знаешь меня, старый лис. — Удовлетворённо потянувшись, я махнул рукой налево — пятеро всадников ушли в обход, потом направо — ещё пятеро должны замкнуть клещи. Мы с Седриком войдём в главные ворота, нечисть такое любит и даже радуется, пока не обломает зубы о нашу сталь...

— Сир?

Я молча вытянул меч из ножен, показывая, что его предупреждение услышано. Наши кони осторожно шагнули в полусгоревшую арку ворот. В ноздри ударил запах гари и палёного мяса. Седрик послал своего молчаливого жеребца на корпус вперёд.

— Они здесь? — Я склонился к гриве Центуриона.

— Да. Штук десять. Но боже меня упаси, если я ещё раз полезу из-за тебя в драку, — сипло отшатнулся чёрный конь. — Между прочим, у меня с прошлого раза копыта толком не отмыты. Этот небрежный мальчишка-конюх...

— Можно о нём позднее?

— Когда?! У тебя вечно нет времени меня выслушать!

— Хочешь яблоко?

— Да!

— Тогда сделай милость, помолчи, ради всего святого. — Я проследил за взглядом Седрика и, спрыгнув с седла, опустился на одно колено, подняв меч над головой. На остриё в тот же миг напоролся спрыгнувший убыр. Кровососущая тварь, без мозгов и без глаз, ориентирующаяся лишь на запах тёплого человеческого тела. Один есть. Где остальные?

Седрик нарочито медленно сполз с лошади, шагнул ко мне и одним коротким взмахом отправил кинжал в чёрный зев полусгоревшей хижины. Предсмертный хрип зверя лишний раз доказал, что рука моего напарника всё так же тверда. Мгновением позже воздух вздрогнул от дикого воя убыров. Они лезли отовсюду: из развалин зданий, из-за почерневших каменных заборов, из всё ещё дымящегося колодца и даже из-под земли. Мои люди дождались, пока они собьются в неуправляемую толпу, пытаюсь окружить нас с Седриком, и только тогда ударили в копыя. На коротком расстоянии, в узких деревенских улочках, любое построение конницы обернётся против неё же. Но десяток всадников, напавших со всех сторон одновременно и неумолимо разящих сверху, способны превратить битву в побоище. С нечистью было покончено в несколько минут. Мы не потеряли ни одного человека. Двое были ранены, но легко.

— Осмотреть здесь всё! Я хочу знать, где жители. Убиты, съедены, заперты, угнаны в рабство? Найдите хоть одного свидетеля!

Седрик махнул рукой двум воинам, велел остаться со мной, прочие бросились исполнять приказание.

Мы нашли следы крови, три обглоданных скелета и следы огромных колёс. Такие служат для перевозки клеток с людьми. Значит, набег убыров спровоцирован работоторговцами.

— Снова за Грани, сир?

— Да, мой друг, — я растерянно потёр лоб, — но не сейчас. Во-первых, мне нужен Эд, а во-вторых, я не успеваю забрать дочь из школы. Мы нагоним их ночью.

— Ваша малышка не хочет вновь навестить замок?

— Она была здесь, но очень давно. Тогда ей было три годика, а сейчас она почти совершеннолетняя, у неё уже паспорт. Слава богам, она ничего не помнит. И я хочу, чтоб она как можно дольше пребывала в этом счастливом неведении...

Возвращение домой проходило через тот же коридор: на белёной стене была грубо нарисована старая фреска в псевдоитальянском стиле. Не знаю, кто и когда активировал этот портал, к моему вступлению на службу он был вполне рабочий, ориентирован только на два направления: к ним — от них. Мне достаточно было коснуться рукой любой точки на фреске, и...

Когда я вышел из гобелена, у меня оставалось ровно пятнадцать минут, чтобы принять душ, переодеться, замазать эпланом царапину на щеке и... всё равно опоздать к Хельге на собрание. Она дожидалась меня на школьном дворе, задумчивая и одинокая.

— Прости, лапка, я задержался...

— Ничего. — Она поддержала меня под локоть. — Тебе всё равно было бы там неинтересно.

— Что сказала классная руководительница?

— Так...

— И все?

— Ну, она... Короче, поговорили...

— Без «короче», не вульгаризируй свою речь, ты же у меня умная девочка, — попросил я.

Она отвернулась, задирая нос, чтобы скрыть слёзы. А положение, выходит, сложнее, чем я думал. Моё сердце разрывалось от жалости к своему ребёнку и от ярости ко всем тем, кто обижал её, вгонял в общепринятые рамки, переделывал, адаптируя к жизни в социуме, и даже не пытался понять. Все педагоги желали ей добра, на неё делала высокие ставки завуч, с ней первой здоровался директор, ей прочили большое и солидное будущее с красной дорожкой в любой вуз.

Но единственное, что им было интересно: «А кем ты хочешь стать?» Моя дочь не находила ответа. Со своими дан-

ными она могла бы стать кем угодно, поэтому её больше занимал вопрос не «кем я хочу быть», а «кто я сейчас»...

— Ты где был?

— На работе, — привычно соврал и не соврал я.

— А где порезался?

— Случайно, когда брился.

— Папуль, будь осторожней, с такими вещами не шутят — бац, и заражение!

Угу, мысленно согласился я, когда в следующий раз полезу в драку с убыврами или другими адскими тварями из-за Граней, то непременно попрошу их не царапаться, а то бац — и у меня заражение! Мы улыбнулись друг другу и почти дошли до дома, когда лёгкая сентябрьская прохлада вдруг резко сменилась ледяным холодом. Мир неузнаваемо изменился, вокруг нас завибрировал воздух, искажая всё вокруг, словно огромные кривые зеркала.

— Па-а, это чё?! — Пальцы Хельги так сжали мой локоть, что любому другому она бы уже разможила кости.

— Собственно, что? — попытался уклониться я. — У тебя не кружится голова, родная? Лучше закрой глаза, ни о чём не думай и...

— Па-а! — Воодушевлённо подпрыгивая, она ткнула пальцем вперёд. — Там всадники! Это кино снимают или флешмоб с толкиенутыми?

Нет, ни то ни другое. Всё замерло, словно щёлкнул кадр фотоаппарата, прохожие, автомобили, пролетающая оса, играющий ребёнок, подбросивший мяч, тупо уставившаяся на нас дворовая кошка — всё застыло в прозрачной стекловидной массе, без предупреждения затопившей реальность. Два высоких всадника в серебряных латах и высоких рогатых шлемах, на мохнатых белых конях, встали напротив нас, неприступные и огромные, как скалы фьордов. Казалось, их лица были вырублены из мокрого гранита, а борода и брови больше походили на густые заросли северного мха.

— Срок! — рокочущим громом раздалось над нашими головами.

— Они разговаривают?! Прикольна-а-а...

— Срок вышел, Белый Волк! Отдай то, что взял на время.

— Круто, пап, да?! А кому это он? — Хельга потеряла меня за рукав. — А почему всё стихло? Все уснули, что ли? А можно я поглажу лошадку?..

— Нет, — твёрдо запретил я. — Коснёшься хоть волоска на гривах коней из Загордонья и уже никогда не вспомнишь себя.

— Мы не смеем причинить вред принцессе! — В грохоте слов проскользнул оттенок укоризны. — Зачем ты держишь в неведении дочь Повелительницы, смертный?

— Па-ап, это он к тебе обращается?! — наконец-то осознала моя натуральная блондинка. — Ва-а-аще-е... Ну скажи, скажи им тоже чё-нить такое!

Я цыкнул на неё и, выдохнув, обернулся к стражам:

— Срок ещё не вышел.

— Осталось меньше четырёх месяцев...

— Тем не менее!

— Она нужна нам. Ты знаешь причину и следствие. Ей не место в твоём мире.

— Да-да, мне говорили, что у богов другие планы, — чуть поднапрягся я, привычно закрывая Хельгу грудью. Нахалка вовсю пыталась щёлкнуть всадников на свой сотовый...

— До Срока она никуда не пойдёт.

— Угу, папа меня вечно никуда одну не пускает, — надулась моя лапка. — Но я всё равно его люблю.

— Спасибо, милая...

— Отдай. — Один из всадников до половины вытащил из ножен призрачный меч.

У Хельги глаза округлились от восторга, но я-то знал, что если Страж обнажает оружие, то не сможет вернуть его в ножны, не обагрив кровью.

— До Срока, — напомнил я. — До Срока никто — ни человек, ни бог, ни сущность — не вправе...

— Мир меняется, Белый Волк.

Огромный меч взлетел над головой всадника, описывая сияющий круг, и... что-то крохотное, свистнув в воздухе, с невероятной силой прилетело ему по рогатому шлему. Страж изумлённо хрюкнул, едва не сверзившись с лошади. Второй успел подхватить его, поправляя на голове боевого

товарища шлем, смятый, как вафельный стаканчик из-под мороженого.

— Мы вернёмся.

Всадники беззвучно растаяли в ожившем воздухе.

— Это было... это... я... я шас... визжать буду! Па-а, как всё здорово-о!!!

Я молча выдохнул, сделал два шага вперёд и подобрал молоток. Обычный. Из магазина строительных инструментов. Если бы Эд добрался до своего...

— Хельга, с вами всё в порядке? — Наш психически больной родственничек счастливо махал рукой с балкона. — Скажи своему строгому папе, что я варил пельмени и не знаю теперь, как выковырять их из электрического чайника. Ты мне поможешь, правда?

— Дядя Эдик... — Хельга мрачно уставилась на меня. — Па, ты чего опять оставил тяжёлые предметы в его досягаемости, да ещё и не запер балкон?

— Забыл. То есть замотался. Тяжёлый день, понимаешь ли...

— Папа, он псих. У него справка есть. А если бы он кому-нибудь по голове попал?

— Я и попал! — гордо ответили сверху. — Детка, в юности я был чемпионом зимних Олимпийских игр в Уганде по метанию молота!

— Врёт? — сощурилась моя дочь.

— Врёт, — подтвердил я частичную правду. — В Уганде никогда не было зимних Олимпийских игр.

Про то, что её дядя действительно мировой чемпион по метанию молота, толканию ядра и вообще киданию в цель любимыми предметами, лучше было пока умолчать.

— Слушай, а что это были за великаны на белых лошадях?

— Милая, ты снова? Какие великаны, какие лошади, какой срок?

Упс... Я не успел вовремя прикусить язык, и в её глазах зажглась синяя искорка подозрений. Ещё минута, и погасить возродившееся из искры пламя не смогут все океаны мира. Мне и так удавалось морочить ей голову уже лет пятнадцать, с того времени, как она вообще начала задавать неприятные вопросы...

— Па-а!..

Я тоскливо уставился на балкон, надеясь, что Эду взбредёт в голову раздеться до трусов и сплясать ирландский степ, это могло хоть как-то отвлечь Хельгу. А может, и нет — он при ней и не такое вытворял...

— Па-па, — уже с нажимом повторила она.

Господи, как быстро выросла моя девочка и как же она становится похожа на свою мать...

— Ладно, идём домой. Нам надо серьёзно поговорить.

— Насколько серьёзно?

— Настолько, что... кажется, мы не дойдём до дома. — Я резко перехватил её руку, потянувшуюся с ключом к электронному замку домофона.

Хельга удивлённо вскинула брови. Я отошёл на шаг и с размаху ударил по двери ногой. Тень всхлипнула, уродливым пятном сползая вниз. Эти оборотные из-за Граней способны принимать любой облик. Я насмотрелся их там, но не ждал здесь...

— Бежим!

За нашими спинами безмолвно встали трое рослых парней. Не твари и не оборотни, люди. Плохие люди. Наёмник, убивающий за деньги, редко может позволить себе роскошь оставаться хорошим человеком.

— Папаша, девочка идёт с нами.

— Хельга, беги в школу, — тихо попросил я. — Потом позвони дяде Эдику и скажи, чтобы...

Уверенная рука моей дочери хладнокровно сдвинула меня на пару метров в сторону.

— Чё надо, уроды?! Кто по реанимации соскучился, кому трепанацию об асфальт устроить или в канализационный люк башкой макнуть? Подходи без очереди! Мой папа всех вас уделает! — Грозно закончив тираду, Хельга так же ловко вернула меня на место и спряталась за моей спиной, как мышка.

А я-то думал, она сама собиралась всех...

Немногословные парни переглянулись и пошли вперёд, сжимая меня в кольцо. Будь под рукой меч, никто на всём Севере не дал бы и половины гроша за их жизнь. Но меча не было. Зато очухавшаяся тень, мимикрируя в чугунные цепи, бросилась на меня, сковывая до колен.

Наёмники кинулись одновременно, так профессиональ-

но используя своё численное преимущество, что я почувствовал себя боксёрской грушей. Меня били по большей части ногами, высокие удары в стиле кикбоксинга и карате. Я закрывался, как мог, но у меня две руки, а у них на троих шесть ног. Хельга опомнилась, лишь когда я пропустил тяжёлый удар в висок и едва не потерял сознание. Она встретилась со мной взглядом, молча умоляя ей разрешить...

— Один раз, — прошептал я разбитыми в кровь губами.

Через мгновение трое наёмников были переломаны так, что не всякий травматолог возьмётся за гипсовывать, а оборотня она вообще порвала на четыре части, размазав половину о кирпичную стену дома, там, где обычно клеят объявления. Вряд ли тень рискнёт второй раз сунуться в наш мир, эти твари хорошо запоминают такие уроки.

— Ты у меня герой! — Моё дитя помогло мне подняться и, поддерживая за плечи, как в фильмах про войну, довело до дверей подъезда. Уже в лифте она внимательно осмотрела мои раны и весомо добавила: — Ты обещал всё рассказать.

Я попробовал изобразить недоумение, но с побитой физиономией это всегда трудно, да и, пожалуй, больно. Короче, у меня не получилось...

— Что у вас там была за битва при Фермопилах? — Дядя Эдик встретил меня с мокрым полотенцем на плече и откупоренным пузырьком зелёнки наперевес.

— Мне и самой интересно, — охотно поддержала его Хельга. — Сейчас вымою руки, и вместе спросим!

Эд внимательно посмотрел на меня, всё понял, отхлебнул зелёнки, занюхал рукавом и выразительно, не без актёрства, изобразил судороги повешенного.

— А без аллегорий?

— Ты влип.

Это я понимал и без него. Элементарно хотелось капельки сочувствия или утешения. Ни на то, ни на другое мой случайный родственник просто не был запрограммирован. Ладно, я прошёл в ванную, смыл начавшую подсыхать кровь, обработал лицо эпланом, пару глубоких царапин заклеил пластырем и, гордо подняв голову, пошёл на эшафот. То есть на кухню, где меня неумолимо ждала моя нежно любимая дочь. Да, насчёт гордо поднятой головы я соврал...

— Может, отложим слушание дела до выходных?

— Ни фи́га, папу́ля, я хочу знать всё сейчас! — Она усадила меня на диван и встала напротив, сложив руки на груди. — Ну?

— Спрашивай.

— Кто были эти гоблины на лошадях?

— Инеистые великаны. Ранее встречались в древнескандинавских мифах, были почти полностью истреблены в рагнарёк. Те, кто выжил, сменили имидж и поступили на службу к Забытым Богам.

— Не убедил, — на всякий случай нажала она. Я повёл плечами, если мой ответ не устраивает, то ищи свой. Хельга всегда меня понимала правильно, поэтому кивнула. — Ладно, первый зачёт. Но ты бессовестно воспользовался тем, что я про это ничего не читала.

— Твои проблемы, милая.

— Это нечестно, па!

— Дом полон книг.

— Ага! Я, значит, учусь, помогаю по квартире, хожу на дополнительные занятия, посещаю все кружки и лекции, а ты хочешь, чтоб я ещё и читала?! У меня и так нет детства!

— Не драматизируй. — Я протянул руку и пощекотал её под ребром.

Хельга взвизгнула, рассмеялась, но, увы, не забыла, кто у нас сегодня главный ответчик.

— Второй вопрос. Что они там несли про какой-то срок?

— Твоё восемнадцатилетие, — неохотно ответил я.

— И?

— Ну ты уже давно замечала, что... что не совсем такая, как все, да? Ты сильнее любого мужчины, ты нечувствительна к боли, не задумываясь, переносишь жару и холод, тебя слушаются животные, ты легко схватываешь знания. В общем, всё это от мамы.

— Мама умерла, когда я была совсем малень...

— Да, можно сказать и так. — Я не сумел заставить себя вновь солгать ей. — Твоя мама... Она любила тебя. И, думаю, любит до сих пор, просто она сейчас не рядом с нами.

— Я понимаю. — Голос девочки дрогнул, но в глазах по-прежнему светилось упрямство. — Ты начал с того, что я не такая и типа, короче, это из-за мамы. А кто у нас мама?

— Богиня.

— Ты говорил, стюардесса!

— Ну, она любила летать...

Хельга быстро шагнула ко мне, приложила ладонь к моему лбу, удостоверилась, что температуры нет, и продолжила:

— А ты тогда кто такой?

— Я?

— Ты! Отвечай быстро, взгляд не отводить, в глаза смотреть! Ты тоже бог?

— Нет.

— Полубог?

— Нет. Я... герой. Профессия такая.

— А он? — Палец Хельги указал на прокрадывающегося в туалет дядю Эдика.

— Он бог.

— ...?!!

— Бог. Но псих. Такое иногда бывает.

Моя дочь выпрямилась, засопела, плотно, до белизны, сжав губы, и опрорхетью бросилась к себе в комнату. Хлопнула дверь, минутой позже раздались приглушённые рыдания в подушку.

— У тебя редкий талант говорить с детьми, — тихо присвистнул вернувшийся Эд, привычно шаря взглядом по сторонам в поиске тяжёлых предметов. — До сих пор никак не пойму, каким невероятным чудом сестрёнка выбрала именно тебя?

— Женская душа — потёмки, — согласился я, массируя пальцами виски. — Что будем делать? Хельга выросла. Боги хотят забрать её до того, как она сделает Выбор.

— Если это боги, — значимо поправил он.

Я вздрогнул. Он прав. Скорее Фенрир, поймав свой хвост, вывернет себя наизнанку, чем те, кто за Граниями, откажутся переманить мою малышку. Я старался не обращать внимания на то, что в последние два-три года нечисть настолько обнаглела, что лезет в дом граничара едва ли не в форточку! А ещё эти работоторговцы с убывами...

— Как замок?

— Стоит, что с ним делается.

— У тебя на лице написано, что там сплошные проблемы и без меня ты не разберёшься, — устало фыркнул Эд, на пару

минут забывая, что он сумасшедший. — Если Хельга уснула, махнём туда оба, время я сдвину.

Это значило, что мы вернёмся практически в тот же миг, что и уйдём. Сдвиг времени — штука непредсказуемая, но он действительно умеет это делать. Впрочем, как и гораздо более сложные штуки...

Всхлипы из соседней комнаты прекратились. Мы многозначительно переглянулись и заткнулись оба. Эмоционально распахнутая дверь хлопнула об косяк, едва не слетая с петель.

— Значит, так! Вы... вы...

— Куда я шёл, никто не помнит? — Дядя Эдик вновь потерял солидную часть рассудка.

— В туалет! — прорычала моя дочь.

— А зачем?

Вместо ответа она молча взяла его за воротник, отнесла на вытянутой руке в туалет, поставила, заперла и включила свет.

— Па-а?

— Да, родная.

— Скажи, что ты всё это придумал!

— Я всё это придумал, — послушно повторил я.

— Ты у меня самый-самый лучший! — Хельга от души чмокнула меня в щёку и, пританцовывая, отправилась к себе.

Я на цыпочках заглянул в её комнату: моя могучая малышка сидела у компьютера, оживлённо общаясь с кем-то в Контакте. Иногда социальные сети хороши уже тем, что дают возможность взрослым заняться своими делами, пока дети обсуждают последние новости, чьи-то гламурные фото, делятся впечатлениями от фильмов с Джонни Деппом и пересылают друг другу приветтики. В этом смысле Хельга не слишком отличалась от своих продвинутых сверстников. То есть сейчас у нас с Эдом было время. Я почти силком вытащил его из туалета, подвёл к гобелену, взял за руку и напомнил:

— Минута в минуту, как договорились.

Он широко улыбнулся мне и первым шагнул в стену...

— Лорд Белхорст, вы верну... — привычно приветствовал нас верный Метью, дежуривший в коридоре, но я быстро прикрыл ему рот.

— Мы с сэром Эдом очень спешим. Найди Седрика и скажи, чтоб через десять минут он и лучники были готовы.

— Только лучники, лорд?

— Да.

— Но вы обещали взять меня, мне уже девятнадцать и...

— Твой час ещё не пробил. — Я похлопал его по плечу.

— Не падай духом, мой юный друг, — поддержал меня Эд. — Судя по всему, на ваш замок не сегодня завтра навалятся целые орды неприятелей из-за Граней. Уверен, ты будешь храбро биться на стенах.

— Я не подведу, а... — воодушевлённо воспрянул Метью, краснея и бледнея попеременно.

— А сейчас марш выполнять приказ своего господина!

Мальчишку как ветром сдуло.

— Надеюсь, не этот легкомысленный отрок ухаживает за моими доспехами?

— Нет, ими занимается Седрик.

— Спасибо, а то я уже начал волноваться. Когда он в последний раз полировал мои латы?

— А их надо полировать, сэр Эд? — изумлённо раздалось за нашими спинами.

Старый воин поклонился нам, поочерёдно приложив ладонь правой руки ко лбу и сердцу в восточном приветствии. Память о Крестовых походах и ненавязчивое напоминание о том, что на ветерана не вешают обязанностей новобранца.

— Седрик, — с чувством протянул Эд, приобнимая его за плечи, — скажите мне честно, как мужчина мужчине, вы еврей?

— С чего вы взяли, сэр?

— Вы вечно отвечаете вопросом на вопрос.

— Неужели? — не поверил он.

— Да-да, вот и сейчас ответили.

— Сир, — это уже ко мне. — У вас тоже есть ко мне вопросы не по существу?

— Нет, я лишь хочу, чтобы вы помогли переодеться нашему гостю. Мы с ним отправляемся за Грани.

Седрик понимающе кивнул, с лёгким поклоном предлагая Эду следовать за ним. На самом деле они давние друзья, ни один поход провели рядом, рубясь с врагами плечом к плечу. Северный бог вообще безумно любит Кость, говорит,

что этот замок напоминает ему чертоги Вальгаллы. Лично я ни малейшего сходства не нахожу, хотя бывать там доводилось. Тамошние архитекторы были великие мастера своего дела, строили с выдумкой и на века, трудно поверить, что древние пророчества всё равно оказались сильнее этих стен. А потом мир изменился вне всяких предсказаний, и никто ничего не мог поделывать. Нам просто пришлось как-то с этим жить...

Центурион дожидался меня в своём стойле, недовольный и ворчливый, как всегда.

— Ты мне книгу принёс? Не принёс. Не поеду!

— Слушай, без обид, но ты всерьёз полагаешь, что я буду тебя спрашивать?! — неторопливо поднимая седло, уточнил я.

Чёрный конь выкатил на меня полные гнева глаза:

— Я — мыслящее существо! Я имею право на собственное волеизъявление! Я не деревянная лошадка на колёсиках!

— Не спорю. Твои предложения?

— Уважай меня как личность!

— Без проблем, — согласился я, подтягивая подпруги. —

Живот втяни.

— Чего? — отвлёкся он.

— Живот втяни, говорю, ремень ещё на две дырки застегнуть можно.

— Да легко. — Конь охотно втянул живот и сам сунул морду в оголовье. Железных удил в его зубы никто никогда не совал. Поступать так с говорящей лошадейю было бы просто преступлением, недопустимым в здешних краях. По крайней мере, у нас в замке.

Я понял, чего он так ерепенился, только когда увидел стройного Эда, красующегося в серебряных доспехах верхом на изящной андалузской кобылке по кличке Ребекка. Белая как снег, копытца, словно хрустальные стаканчики, щиколотки балерины Павловой. Добавьте к этому густейшую гриву волнами и огромные карие глаза с ресницами вполладони, и вы поймёте, что бедный Центурион пал по всем статьям...

— Это ты из-за неё? — тихо спросил я, наклоняясь в седле.

Конь едва заметно повёл чуткими ушами:

— Если ты меня ей сдашь, я тебя на всём скаку в кусты выброшу, зуб даю!

— Откуда такой жаргон?

Центурион не ответил, гордо вскинув голову и лёгким шагом, бочком-бочком, пристраиваясь поближе к красавице Ребекке. Эд хихикнул в кулачок, приподнялся на стременах и махнул мне рукой. Я покачал головой и в свою очередь дал отмашку Седрику. Три всадника и шестеро пеших лучников, уже без лишних зажигательно-патетических речей, покинули внутренний двор замка Кость.

Первое время мы шли на рысях. Центурион и Ребекка быстро переговаривались на ходу, пока мы с Эдом не обратили внимания на то, о чём они, собственно, треплются.

— Он мой господин? Я тебя умоляю. Этот тощий бледноволосый полумальчик-полумуж скорее мой давний приятель. Я его катаю, да, а что делать? Девочка как-то должна отрабатывать овёс и стойло... — притворно вздыхала кобылка.

— Я называю своего младшим братом, — снисходительно поддакивал ей мой конь. — Он выглядит грозным, но за страшной волчьей шкурой на его плечах порой скрываются такие детские комплексы и страхи. Представляешь, как-то года два назад я слегка укусил его, не со зла, забавы ради, чтоб показать своё расположение, так он чуть не расплакался...

Эд удивлённо покосился на меня. Я закатал рукав до локтя, молча демонстрируя застарелый полукруглый шрам от лошадиных зубов. Слегка укусил, как же...

— Мой не лучше, тоже та ещё неженка. А сегодня, когда седлал меня, так подозрительно нежно похлопал по крупу. Это уже может что-нибудь значить? Может, мне уже пора жаловаться?

— Если тебя это напрягает, я могу поговорить со своим. Так сказать, поставить перед фактом — по какому праву его гость лапает чужих кобыл?!

— Ну это не то чтобы так уж именно лапал. Но ты понимаешь, мужчинам стоит один раз позволить распусть руки, и вот маме уже приходится краснеть за дочку...

— Я всё ему выскажу.

— Ради бога, поделикатнее.

— Ты меня знаешь...

— Вот именно.

Эд обернулся ко мне с умоляющим взглядом — типа можно я прямо здесь задушу эту лживую болтунью собственными руками?! Нет, я категорически покачал головой, давась от смеха. Он побледнел, мужественно выдержал укоризненный взгляд Центуриона и погрозил мне кулаком.

Из-за леса показались прозрачные вершины Граней, скоро будем на месте.

Седрик повёл седыми бровями, и лучники, повинувшись безмолвному приказу, выстроились в две шеренги от нас, трое слева, трое справа.

— Ты останешься прикрывать тыл.

— Сир, вы уверены, что мой меч не понадобится вам впереди?

— Уверен, Седрик, да и ты не хуже меня знаешь, как убьют любят подкрадываться сзади.

— Надеюсь, сэр Эд прикроет вашу спину? — несколько обиженно пробурчал старый воин, но послушно развернул коня, занимая место в конце нашего отряда.

Грани встретили нас гостеприимным радужным сиянием. Высоченные, под небеса, ледяные скалы, прозрачные, как слеза ребёнка, искрились тысячами самых прекрасных алмазов, надёжно закрывая наши земли от Закордонья. Этот лёд нельзя было растопить ни солнцу, ни пламени, он не пробивался никаким железом, в нём не было щелей, троп или тайных проходов — неровная, вечная, монолитная стена на дальней границе моих владений. Попасть на ту сторону не могли ни люди, ни животные. Впрочем, от нас туда никто и не рвался. А вот каким образом их кровожадные твари оттуда попадали в наш мир...

— Любая дверь объединяет или разъединяет пространства, — философски заметил бывший бог. — А вход и выход часто становятся единым целым.

— Я не поведу туда своих людей.

— Врагов может быть больше двух, — чуть прищурившись, напомнил Эд. — Ты прекрасно знаешь, что, ступая на земли той стороны, считается вежливым оставлять плату.

— Передай своим, что я жутко невоспитанное хамло, не уважающее ничьих традиций!

— Можно подумать, они этого и без меня не знают? Клянись лужёной глоткой Хеймдалля, ты самый ужасный гость, самый отвратный друг, самый противный...

— А вот в последнем я не был замечен! Иначе твоя сестра выбрала бы другого.

Эд криво улыбнулся. Он прекрасно помнил, что только благодаря моему мечу жив до сих пор. Рагнарёк был для их растоптанного мира страшнее ядерной войны. Кто чудом выжил, кто перебежал на сторону врага, кто вообще спрятался в возрождённом из пепла мире смертных. А его собственная сестра с превеликой радостью выгрызла бы его сердце и съела, пока ещё тёплое, но в тот момент рядом оказался я, прикрыв бога спиной. Что аукается мне до сих пор, ибо моя жена так и не смогла простить мне этого проступка, хотя он первый пытался меня убить...

— Лучники, займите круговую оборону по двое, спина к спине! Трое следят за проходом, трое прикрывают тыл. В моё отсутствие все подчиняются приказам Седрика.

Воины безропотно разошлись по своим местам. Четверо уже ходили со мной к Граням, двое помоложе косились на ледяные вершины со смешанным чувством страха и восхищения. Они с детства слышали страшные легенды об этих скалах и жутких тварях, выползающих под покровом ночи на запахах человеческого жилища...

Я знал, что мои люди не подведут, но не имел ни права, ни желания вести их за собой на верную смерть. По крайней мере, не сейчас.

— Уверен, что работорговцы прошли здесь?

— Откуда я могу знать? — безмятежно откликнулся Эд. — За Грани ведёт много троп, нам оставили или слишком много, или слишком мало следов.

— Если я смею спросить, сир? — подал голос Седрик, виновато опустив взгляд. — Разве следы колёс привели нас не в это место?

— Всё не так просто, уважаемый. — Бог в серебряных латах крайне редко опускался до разговоров с людьми, но для этого человека всегда делал исключение. — Нас привели сюда, значит, там — засада. Но они знают, что и мы не идиоты и прекрасно понимаем, что нас там ждёт. Они нас предупредили. Следовательно, пойдём мы или нет, только наше

решение. Но лично я обожаю совать голову в петлю. Бессмертие порой так утомительно...

Эд лукавил. Он давно утратил бессмертие и рисковал жизнью точно так же, как все мы. Просто любил блеснуть хотя бы тенью былой славы. Все в замке знали об этой его слабости, даже немного подыгрывали. Центурион нетерпеливо пристукнул копытом, Ребекка поддержала его осторожным фырканьем. Эд вытащил из ножен узкий меч, пробормотал слова заклęcia и коснулся холодной сталью прозрачной стены. Раздался тонкий, едва уловимый звук, словно лопнула скрипичная струна. Ледяные глыбы сдвинулись со своих мест плавно, будто бы танцующие белые листья на глади озера. Перед нами открылся узкий проход, не более двух метров в ширину, извилистой, ломаной линией уходящий в сияющую неизвестность. Идти придётся по одному...

Бросив меч в ножны, кудрявый бог толкнул пятками послушную кобылку, первой шагнувшую на ледяную тропу.

— Ждите нас до заката, — обернувшись, приказал я. — Как только солнце коснётся края горизонта, уходите. Седрик, отвечаешь за них головой!

— Вы уверены, что, если не вернётесь, вам будет так уж нужна моя глупая голова? — без тени иронии спросил старый воин.

Действительно, если не вернусь, то вряд ли мне будет дело хоть до чего-то. Что ж, это нормальные издержки профессии. Быть героем иногда очень почётно, но всегда чревато — от обретения призрачной славы до потери реальной жизни.

Я пустил Центуриона вдогонку за ускользящим хвостом его возлюбленной. И мне, и ему уже не раз доводилось бывать за Гранями. Любое путешествие туда похоже на страшную сказку с необратимым концом. Закордонье всегда изменчиво, непостоянно, оно легко заманивает человека, но крайне неохотно выпускает из когтей добычу. Здесь можно получить практически всё: оружие, силу, волшебные артефакты, власть, помощь тёмных союзников, магические книги и запрещённые знания. Оплата одна — кровь. Либо твоя, либо того, кто рядом с тобой. Вопрос в том, кто из вас двоих догадается принести жертву первым.

Открытие троп в Гранях тоже опасное занятие: при первой же возможности твари с их стороны ринутся в любую

распахнутую для них щель, ибо наш мир для них лишь охотничьи угодья. Задача таких, как я, по возможности держать на замке свой участок границы и уж тем более никак не лезть на ту сторону самому. Но каждый из граничар рано или поздно нарушает правила. Большинство гибнет, на их место приходят другие. Те, кто выжил, не спешат хвастаться успехом, боясь спугнуть сиюминутную птицу удачи, потому что знают — при первом же случае они пойдут туда снова...

— Думаешь о ней? — безошибочно угадал Эд, хотя я всячески гнал от себя любые мысли о недавнем разговоре с Хельгой. — Ничего, она умная девочка и всё поймёт.

— Она ещё ребёнок. В её годы трудно так, с наскока, без предупреждения, взять и принять, что твой скромный папа — герой чего-то там, а мама просто полузабытая богиня!

— Знаешь, а я вообще не особо заморачивался вопросами своего происхождения. Для богов это редко бывает принципиальным. Многие не имеют ни отца, ни матери, в общепринятом понимании. Прародитель Имир был создан из льда и пламени, а хищный Фенрир — из недр вечной Тьмы.

— Повторяю, она ещё ребёнок. И, наверное, всегда будет ребёнком для меня.

— Я понимаю твоё желание оградить её от нашей родни, но предначертанного не изменишь. По праву крови она законная принцесса Асгарда!

— Асгард давно разрушен. Древние боги, или то, что от них осталось, побираются жалкими крохами интереса к ним со стороны десятка серьёзных историков да вечно изменчивой толпы молодых фанатов, с равным пылом носящих на шее знак Коловороты, молот Тора или копию Кольца Всевластия...

Эд задумался и замолчал. Видимо, мне всё-таки удалось его задеть. Второй раз он открыл рот, уже только когда ледяная тропа закончилась и мы вышли на заснеженное дикое поле, начало бескрайних пограничных земель Загордонья.

— Вон они. — Его палец указал на пляшущий огонёк далёкого костра.

— Странно, что эти мерзавцы так беспечны...

— Ты прав. Если уж они не попытались спрятать следы, то могли бы оставить здесь хоть какого-нибудь стража.

О нет... Словно бы повинуюсь его словам, земля дрогнула

и слежавшийся снег зашевелился. Перед нами встали на коленях два инеистых великана. Голые, мускулистые и бородастые, с бездушными глазами, явно не те, что перешли на сторону богов.

— Эти мои, — строго предупредил Эд, хватаясь за меч.

Я не вмешивался, в его жилах kloкотала давняя ненависть к этим северным монстрам. Почему-то всю вину за бездарно профуканный рагнарёк молодой бог вешал только на противоположную сторону. Сами жители Асгарда, далеко не безгрешные небожители, для него всегда были вне подозрений и вне критики!

Великаны ощерили сточенные о гранит клыки, вздымая над головами дубины из обломанных сосен, но тот, кто оставил их в засаде, явно недооценил наши силы. Мой родственник бросился вперёд, потратив на них не более полминуты, причём не на каждого, а на обоих сразу. Я никогда не видел никого, кто бы управлялся с мечом лучше Эда. Одному он снёс голову неуловимым взмахом, а в другого швырнул клинок лихо закрученным движением кисти так, что вторая уродливая голова рухнула в равнодушный снег едва ли не быстрее первой. Дальше уже мне пришлось оттащить его, непременно желающего плюнуть на тела поверженных врагов, а ещё круче — сплясать на них, высоко подкидывая ноги.

— Это южнобалканская традиция, совершенно не подходящая для жителей Севера, — уговаривал я, вцепившись ему в плечи.

— Отстань! Уйди! Я имею право! У меня нервы! Сейчас попрыгаю с одного на другого, и мне полегчает! Вот почему ты всегда такой вредный?!

— Вредность и стержность — женские черты. А я умный и предупредительный.

— И о чём ты хочешь меня предупредить?

— О том, что вон там, в нескольких сотнях шагов, три телеги, набитые пленниками. И что мы пришли сюда ради их спасения, а не ради твоей лезгинки на спинах мёртвых великанов. Вернёмся домой, я тебя на дискотеку отпущу!

— Одного?! — с надеждой вскинулся Эд.

— Не перегибай. С Хельгой, разумеется.

Бывший бог подумал и принял компромисс. Он пожал мне руку в знак скрепления устного договора, и мы, пригнув-

шись, двинулись к мечущемуся на ветру пламени костра. За Граниями всё следует делать быстро, уходить не оборачиваясь, за отставшими не возвращаться. Кто как, а лично я не верил, что мы будем долго оставаться незамеченными...

— Друг мой, ты всерьёз считаешь, что я, древний бог Севера, Защитник драккаров, Сопроводитель путей, внук Полярной звезды, Топор и Молот, Третий рог на пиру, Увеселяющий во время битвы...

— Ты закончил?

— Нет, у меня ещё примерно двадцать восемь имён, — обиженно поджал губки брат моей жены. — Но, как я понимаю, смертный, у тебя нет желания выслушивать их все...

— Ты экстрасенс! Читаешь мои мысли буквально на ходу.

— А ты невежда и грубиян.

— Я в курсе. Так мы идём их спасать?

— Я — иду. Ты — ползёшь, — с улыбкой поправил он. — И пожалуйста, доползи хотя бы к тому моменту, когда надо будет элементарно убрать трупы. А уж трупами я тебя обеспечу, не сомневайся!

Он хмыкнул, подобрал свой меч, отгёр его краем плаща и скользящими шагами пошёл к костру. Меня всегда поражало, почему я проваливаюсь в снег, а он нет. И разница не в весе, просто хрустящие кристаллы снега почему-то принимали Эда за своего, подчиняясь ему, как самой большой, да ещё и теплокровной, снежинке. Я дал ему отойти на десять шагов и по-пластунски пополз следом, стараясь забирать левее. Мне нужно было оказаться в тылу работорговцев до того, как они окончательно примут решение его убить. Надо знать Эда, он всегда ведёт переговоры таким образом, что не убить его просто невозможно...

— Смерть вам, селяне! — Весёлый бог начал, как всегда, с главного, не доходя до противника добрых двадцать шагов. — Не буду врать, что мне жаль вас убивать. Как раз таки наоборот, уж поверьте мне, ибо таки я знаю, что говорю, как выражается моя кобыла. Какой кретин вздумал назвать её иудейским именем? Вы не знаете? Я тоже. Но она умудрилась перенять всё худшее, что вечно раздражало меня в евреях, женщинах и лошадях! Гремучая смесь, не находите?

Шестеро работорговцев, четыре убыра и пять наёмников довольно долго не находили слов, ошарашенные его появле-

нием и столь длинной речью, что она никак не вмещалась в их ограниченные мозги.

— Это кто такой? — приподнялся наконец один самый толстый и самый нервный. — Ему чего надо? Гоните его отсюда. Ходят тут всякие...

— Высокий, болтливый, глупый, и в руках всего лишь один меч, — криво усмехнулся второй, с пробивающейся бородкой, возможно, сын первого. — Эй, парни, взять его! Одним рабом больше, а лишнего золота не бывает, правда?

Трое наёмников ответили ему согласным хохотом, двое оказались умнее, схватившись за оружие и лихорадочно оглядываясь по сторонам. Я продолжал ползти в снегу, искренне надеясь, что мой безумный (даже когда в себе!) родственничек сумеет ещё хоть немного их отвлечь.

— Вы что, всерьёз думаете, что сумеете меня остановить?! — Эд внаглую пёр на толстого, сознательно не замечая готовящихся к атаке наёмников. — Нет, я не прошу вас бежать, не предлагаю сдаться, я лишь надеюсь, что у вас есть хоть какие-то боги, которые примут такие поганые души и не побрезгуют своими руками швырнуть их в ближайшееместилище смрада и тлена!

Последние два слова он произнёс уже в круговом движении, кончиками пальцев помогая топору первого наёмника изменить траекторию и влететь в голову второго. Дальше в снежной пыли началась совершенно безумная круговерть, сопровождаемая всплесками крови, звоном стали, хрипом поверженных и почти беззвучным стоном отлетающих душ. Я как раз успел добраться до двух большущих телег, битком набитых крестьянами, и снять двух убыров, пытавшихся мне помешать.

— У меня всё! — гордо доложилась чуть покрасневшийся на морозе северный бог.

— У меня практически... тоже, — завершил я, посылая кинжал ему за спину. Приподнявшийся наёмник рухнул уже навсегда.

— Уходим?

— Только с моими людьми.

Я подхватил под уздцы меланхоличных мохнатых яков, разворачивая их назад.

— По-моему, твоих тут не больше трети, — чуть сощури-

шись, прикинул Эд. — Зачем спасать остальных? Ну если, конечно, ты сам не хочешь заняться работоторговлей...

— Знаешь, там, в моём мире, тебе и в голову не приходят подобные вопросы. Ты псих, но демократичный и толерантный псих.

— Да, похоже, именно «псих» — ключевое слово, — подтвердил он, дважды вонзая меч в сугроб, чтобы стереть с лезвия кровь. — Как я мог вообще купиться на твои авантюрные идеи и поменять этот дивный мир мёда, битв и снега на скучную комнату в доме-улье, став никому не нужным скучным приживалом, недостойным даже банального сочувствия и утешения в лице...

— Эд, подтолкни вторую повозку, пожалуйста.

— Ну вот, теперь он низводит меня до роли гужевого транспорта. Клянусь золотой косой Фрейи, смертный, я убивал и за меньшее оскорбление...

— Эд! Мать твою, чародейницу, за неэльфийское место! Ты будешь помогать или нет?!

— Буду! И не смей орать на бога!

У меня тоже был сегодня тяжёлый день, но мы, хоть и цапались с регулярностью два-три раза в неделю, оба чётко понимали, когда следует остановиться. Пока Хельга была ещё совсем маленькой, мы порой доходили и до кулачных выяснений отношений. В последний раз это было лет десять назад, когда моя девочка вышла из спальни и, по-своему оценив обстановку, так отметелила родного дядю, что с той ночи он твёрдо считал себя обязанным мне жизнью дважды! На следующий день, в травматологии, они помирились.

И вот теперь этот сын северных ветров послушно толкал плечом тяжеленную телегу, сбитую из грубоотёсанных досок, скреплённых полосами ржавого железа. Внутри испуганно перешёптывались кое-как одетые люди. Они ещё не понимали, что произошло: такая добыча легко могла переходить из одних нечистых рук в другие. Да и я сам, сколько ни ходил за Грани, всегда знал — за выход здесь берут дороже, чем за вход...

Проблемы настигли нас, когда мы одолели половину пути.

— Волки! — крикнул мне северный бог. — Я не вижу их, но слышу скрежет стали когтей по ледяной корке на снегу.